О бисере, бусах и прошлом времени

Е. С. ЮРОВА

О бисере, бусах и прошлом времени

Воспоминания
московского коллекционера

ЭТЕРНА
Москва
2019

УДК 746.5
ББК 85.126 (2Рос)
Ю 78

Дизайн – Александр Зарубин

Юрова Е.С.
Ю78 О бисере, бусах и прошлом времени: Воспоминания московского коллекционера. – М.: Этерна, 2019. – 488 с.: ил.

ISBN 978-5-480-00396-3

Как человек «заболевает» коллекционированием? Что привносит это увлечение в его жизнь? Настоящий коллекционер – завсегдатай барахолок, антикварных магазинов, библиотек и музеев. Ему встречаются необычные люди и вещи, бросающие вызов, будоражащие воображение, заставляющие все глубже и глубже погружаться в неповторимый мир собирательства. Об этом увлекательном и уникальном опыте рассказывается в книге воспоминаний известного московского коллекционера Елены Сергеевны Юровой.

УДК 746.5
ББК 85.126 (2Рос)

ISBN 978-5-480-00396-3

© Е.С. Юрова, 2019
© ООО «Издательство «Этерна», оформление, 2019

Моему мужу Володе Васильеву

Предисловие

В декабре 2012 года мы расстались с коллекцией бисера, которую начали собирать еще с моими родителями и занимались этим практически ровно 50 лет. Расставание было тяжелым, но нас несколько утешил и обнадежил тот теплый прием, который новые владельцы коллекции – сотрудники Музея-усадьбы Останкино – оказали нашим любимым «бисера́м».

На следующий день мы занялись приведением квартиры в порядок. Только из стен нашей комнаты пришлось удалить 81 гвоздь, не говоря уже о четырех опустевших витринках. Смотреть на это не было никаких сил, и мы принялись срочно заполнять опустевшие стены остатками прежней роскоши. В ход пошли литографии, сохранившиеся от небольшого собрания гравюр, бисерные вышивки, некогда полученные в подарок, какие-то памятные предметы, связанные с событиями прошлого. Погрузившись в воспоминания, я задумалась о том, как интересно было бы узнать что-нибудь об их предыстории. Ведь, покупая эти предметы, мы большею частью об этом ничего не знали. И мне показалось небесполезным записать то немногое, что нам иногда все же становилось известным.

В этом занятии меня очень поддержала цитата из культовой в нашей семье книги «Ложится мгла на старые ступени» А. Чудакова. Вот что он пишет о старых вещах, долго хранящихся в семье или даже передающихся из поколения в поколение: «Вещь человек принимает в свою душу. Даже старец, ушедший в пустынь, любит свое стило, кожаный переплет своей единственной книги.

Раньше транссубъектный мир был устойчив. Форма глиняного горшка не изменялась тысячелетиями; бюро с ломоносовского времени не сильно отличалось от аналогичного предмета 1913 года. Но все чаще наш современник не может понять назначение не только старинной вещи, но и предмета даже в скудном отечественном хозяйственном магазине» (*Чудаков А.* Ложится мгла на старые ступени. М., 2015. С. 426). Сейчас ассортимент отечественных магазинов значительно расширился, но отношение к «ненужному старью» стало, мне кажется, еще более равнодушным.

Тёнин шкафчик

Так называемый Тёнин шкафчик – один из предметов, дольше всех живущий в нашей семье. Его история связана с семьей моей бабушки – Марии Павловны Юровой (урожденной Любимовой). Ее родители – Павел Васильевич Любимов и Анна Михайловна (урожденная Формозова), происходили из семей сельских священников и оба рано осиротели. Анна Михайловна и ее сестра попали на воспитание в разные семьи, жили далеко друг от друга и впоследствии тоже мало виделись.

Анна Михайловна воспитывалась в семье своего дяди Лаврова – священника в селе Пески недалеко от Вязников. У него самого было очень много детей и весьма скромный достаток, но к моей прабабушке, а потом и к ее детям вся семья Лавровых относилась с большой любовью. Я помню, какими теплыми бывали встречи бабушки с детьми Лавровых – московским врачом Михаилом Александровичем и украинской учительницей Марьей Александровной.

У Павла Васильевича было 12 братьев и одна сестра, которая вышла замуж за миллионера Смирнова и жила в Сибири (кажется, в Красноярске). Один из братьев был членом земской управы в Иванове, другие разъехались по разным городам, а один стал настоящим бродягой,

Тёнин шкафчик.
Дуб, конец 19 –
начало 20 века

чем и запомнился, надо полагать, больше всех остальных. Время от времени он появлялся в семье Павла Васильевича, его сначала мыли в бане, затем облачали в платье брата и только тогда допускали в дом. Мою прабабушку он очень любил и почитал, а дети были без ума от его рассказов. Прадед устраивал его на работу, но его трудовая жизнь продолжалась только до первого жалованья, которое он немедленно пропивал, менял свое платье на рубище и отправлялся в очередное странствование. Однажды он решил идти пешком к сестре в Сибирь, но по дороге замерз где-то на границе Владимирской губернии.

Анна Михайловна вышла замуж очень молодой: ей было шестнадцать, а Павлу Васильевичу – за тридцать. Сначала она его смертельно боялась, но постепенно забрала все хозяйство в свои руки и вела его безукоризненно. Это было, наверное, очень нелегко: пятеро детей, дом в Вязниках, прислуга, корова, куры... Все это существовало на одно жалованье члена земской управы, надворного советника Павла Васильевича Любимова.

Питались в основном за счет натурального хозяйства. Для того чтобы одеться и одеть детей, Анна Михайловна ездила на Нижегородскую ярмарку, закупала там штуками сукно для гимназической формы мальчикам, ткани на платье девочкам, лен на белье для всей семьи, а потом шила все это сама на швейной машинке *Kaiser*, подаренной ей на свадьбу. Прошло уже больше ста лет, а машинка все еще живет у нас в семье и работает безукоризненно. Не меняя иголок, на ней можно шить все: от батиста до дубленок.

Анна Михайловна Любимова (1857(61)–1942)

Все вспоминали о моей прабабушке как о женщине умной и решительной. Вот один маленький эпизод из вязниковской жизни. Мука и крупы в доме Любимовых для защиты от мышей хранились в больших деревянных ларях. Одна мышь все-таки как-то ухитрилась пробраться в ларь и, когда кухарка его открыла, от страха прыгнула ей прямо в вырез кофты. Кухарка с дикими воплями выскочила во двор и стала там метаться, продолжая кричать на все Вязники. Никто не мог понять, что с ней случилось. Одна Анна Михайловна каким-то образом сообразила, в чем дело, подбежала к ней, рванула изо всех сил ворот кофты, кофта разорвалась, мышь выскочила, а кухарка успокоилась.

На лето Анна Михайловна с детьми перебиралась к дяде, священнику Лаврову, в Пески. Дети там наслаждались жизнью: бегали, играли, устраивали всяческие проказы. А потом поджидали дедушку с па-

Семья Любимовых.
Слева направо: Виктор, стоят Надежда и Владимир,
сидят Маруся, Анна Михайловна, Сергей и Павел Васильевич,
1897

нихидками (так назывались лакомства, которые приносили в церковь прихожане, заказывающие панихиду). После беготни и игр на свежем воздухе какая-нибудь черная лепешка или черствая французская булка казались им необыкновенно вкусными.

Как-то летом сын Лаврова Михаил Александрович заехал в Вязники к Павлу Васильевичу и застал дома одну кухарку, которая долго жалась и мялась и, наконец, объявила ему: «Уж очень барыню мне жалко: ведь барин каждый день под утро домой приходит». Михаилу Александровичу стоило большого труда втолковать ей, что барин играет в карты в клубе, а не посещает какую-нибудь даму сердца. Мой прадед, да и прабабушка, вообще очень любил поиграть в карты. Когда семья

была дома, их партнеры собирались у них, а когда Анна Михайловна с детьми уезжала в Пески, Павел Васильевич ходил в клуб и сидел там допоздна, поскольку торопиться ему было некуда.

Всю жизнь «бабатик» (так в семье называли Анну Михайловну) нежно заботилась о своих многочисленных детях и внуках, но большее внимание всегда уделяла невесткам. Когда знакомые спрашивали ее, с чем это связано, она отвечала, что дочери ее все равно меньше любить не будут, а дурное отношение к невесткам обязательно отразится на семейной жизни ее сыновей. «Бабатик» была чрезвычайно деятельна, невзирая на возраст. Только в 80 или 85 лет она произнесла фразу, которую потом долго цитировали у нас в семье: «Чувствую, что приближается старость».

Умерла Анна Михайловна в 1942 году. К тому времени из ее детей в живых и на свободе осталась только моя бабушка. Но она уехала со мной и моей мамой в эвакуацию в Красноуфимск. Брать с собой Анну Михайловну, отправляясь в полную неизвестность, побоялись, и «бабатик» осталась в Вязниках на попечении у соседей. В тот день, когда она умерла, моей бабушке приснился страшный сон. Ей казалось, что она приехала в Вязники, идет к своей маме и страшно торопится, боится опоздать. Вдруг с расположенного в центре города кладбища выбегает собака, хватает ее за подол и тащит на кладбище. Бабушка вырывается, кричит, но собака ее не пускает. Проснувшись, бабушка твердо сказала моей маме, что, наверное, с Анной Михайловной что-то случилось. Это подтвердило пришедшее только через два месяца письмо. Самым странным было то, что прабабушку похоронили именно на том кладбище, на которое бабушку тянула собака. Так решили хоронившие «бабатика» люди, поскольку кладбище, на котором хоронили всех Любимовых, было слишком далеко. Много лет спустя мы с мужем съездили в Вязники и узнали, что старое кладбище, на котором была похоронена Анна Михайловна, уничтожили и на его месте разбили городской парк.

Старший сын четы Любимовых, Виктор Павлович, родился в 1880 году, учился в гимназии в г. Шуя, а затем в Московском университете на юридическом факультете. Учиться в Шую его отправили восьми лет, и весь город удивлялся, как Анна Михайловна могла отпустить такого маленького ребенка. Она очень тосковала без него, но считала, что сыновья обязательно должны получить хорошее образование. Во все время ученья в день его именин из собора приносили чудотворную икону Казанской Божией Матери. После заутрени, когда еще было темно, приходили священники, ставили икону на сдвинутые, покрытые полотенцем стулья и служили молебен о здравии раба Божия Виктора.

Во время учебы в университете Виктор Павлович снимал комнату у каких-то обедневших аристократов. Их дочь Наташа имела обыкновение ходить дома в шелковом платье со шлейфом, подметая им пыль и мусор в давно не метенных комнатах. Виктор Павлович влюбился в нее и подумывал о женитьбе, что Анна Михайловна категорически не одобряла. Однажды в Вязниках она получила от него письмо, начинавшееся словами: «Дорогая мама, я собираюсь жениться...» Сначала она пришла в ужас, но, дочитав письмо до конца, выяснила, что он собирается жениться вовсе не на Наташе, а на бедной учительнице из какой-то глухомани. Она преподавала в приходской школе, а жила в монастыре. Виктор Павлович видел ее всего один раз, но в то время он уже окончил университет и должен был ехать на работу в Сибирь, и откладывать женитьбу было никак нельзя.

Анна Михайловна срочно приехала в Москву, и они вместе отправились в тот городок, где жила учительница. До монастыря добрались поздно ночью и долго стучались, прежде чем им отворили. Сначала их пускать не хотели, но Анна Михайловна решительно заявила, что ей необходимо говорить с матерью игуменьей. Подняли с постели игуменью, и прабабушка объявила ей, что приехала за невестой сына. Когда наконец разбудили учительницу, та сначала никак не могла взять

в толк, в чем дело. Потом заявила, что никакого жениха у нее нет, но в конце концов, разобравшись, что к чему, согласилась поехать с женихом и будущей свекровью к своему отцу-священнику. Отец быстро дал согласие на брак, и свадьбу сыграли в три дня.

Молодые поехали работать сначала в Канск, а потом в Красноярск. В Канске у них родилась дочка Леночка. Когда Леночка была еще маленькой, мать приехала с ней в Вязники к Анне Михайловне (которую, наверное, с этих пор и стали называть «бабатиком»). В Вязниках девочка заболела скарлатиной. «Бабатик» с моей бабушкой, которая тогда была еще девочкой, круглые сутки дежурила у детской кроватки, а мать Леночки, накинув одну шаль, в беспамятстве бегала по всему городу. В конце концов девочка выздоровела, и они отбыли в Канск. А в Канске Леночка заболела ангиной и умерла. «Бабатик» очень любила свою первую внучку и, когда родилась я, попросила назвать меня Леной.

Анна Михайловна была очень религиозна, хотя к обрядам относилась довольно скептически. Тем не менее, когда меня должны были принести из роддома, она заявила, что для нее некрещеный ребенок все равно что обезьяна и на руки она его ни за что не возьмет. Судя по тому, что впоследствии она меня нежно нянчила, наверное, крещение все же состоялось втайне от родителей и моей бабушки, которая придерживалась весьма передовых взглядов и была убежденной атеисткой.

У Виктора Павловича с его женой детей больше не было. Во время или перед революцией они расстались. Все это время он работал в Красноярске помощником прокурора. После революции, когда в Сибири установилась на некоторое время власть белых, он, кажется, играл какую-то роль в правительстве Сибири. Вместе с белыми бежал в Харбин, где долгое время был директором гимназии, женился на владелице кондитерского магазина, но был выслан обратно в СССР. После войны бабушка получила от него письмо из лагеря, в котором он просил о помощи. Ему послали какие-то продукты и теплые вещи, но больше никаких известий о нем не было.

Приблизительно в 1885 году в Вязниках появилась никому не известная супружеская пара. Вскоре жена родила двух девочек-близнецов и при родах умерла. Отец оказался совершенно неспособным содержать и растить детей, и девочек отдали на воспитание в разные семьи: одну взял местный богач, владелец типографии Матрёнинский, а другую – лакей самого выдающегося человека в Вязниках – фабриканта Сенькова. У Матрёнинского и его жены Меланьи Семеновны детей не было, и все их заботы были посвящены воспитанию приемной дочери Тани. Вот эта Таня и стала женой второго сына Анны Михайловны – Владимира Павловича. Знакомы будущие супруги были с детства, вместе играли, встречались во время праздников и каникул. Татьяна Семеновна была необыкновенно хороша собой: стройная фигура, большие черные глаза, темные вьющиеся волосы. На балах-маскарадах она затмевала всех, блистая в туалетах, специально выписанных для нее Матрёнинским из Москвы, но учение ей никак не давалось. В то время как Владимир Павлович прекрасно окончил гимназию и поступил в университет, Татьяна Семеновна, несмотря на весь авторитет своего приемного отца, не смогла учиться в гимназии. Она была переведена в епархиальное училище во Владимире, но и его не смогла закончить. Тем не менее они любили друг друга, а родители с обеих сторон не возражали против этого брака. Перед венчанием Татьяне Семеновне рассказали о ее происхождении, она нашла свою сестру, и они вместе с ней и Владимиром Павловичем сходили на могилу ее матери. После окончания университета Владимир Павлович работал в Москве в министерстве здравоохранения. У них было двое детей – Ольга и Борис.

В начале Первой мировой войны его призвали в армию, и он был адъютантом какого-то полка. Революция застала их полк в Москве. Владимир Павлович был арестован в своей квартире в Спасских казармах. Анна Михайловна и моя бабушка, которая к тому времени уже была замужем, очень волновались. Бабушка осмелилась позвонить в казармы. Там какой-то начальник объяснил ей, что с Влади-

Владимир Павлович Любимов, 1916

Татьяна Семеновна Матрёнинская, 1903–1905 годы

миром Павловичем все в порядке. Солдаты его снова выбрали офицером, и арест с него снят. Вскоре он демобилизовался и до своей смерти в 1942 году работал юрисконсультом в каком-то министерстве. Он очень увлекался театром, был знаком со многими театральными деятелями, и у него было множество фотографий артистов с их автографами. К сожалению, его потомки, кажется, их выбросили.

Сережа, «Бабатик», Ольга Ивановна и Сергей Павлович Любимовы

Младший сын Любимовых – Сергей Павлович, унаследовал, по-видимому, что-то от авантюрного характера своего дяди-бродяги. Он сидел в лагерях, потом оттуда попал в крупные начальники Дальстроя, потом опять сидел. Свои последние годы он провел в Москве в обществе жены Ольги Ивановны и сына Сергея.

Совершенно другим человеком была старшая бабушкина сестра – Надежда Павловна (Тёна, как ее называл мой папа). Родилась она в 1879 году, училась в гимназии во Владимире. Некрасивая, но чрезвычайно умная и целеустремленная, она хотела после окончания гимназии продолжить образование. Однако ее отец, Павел Васильевич, придерживался достаточно консервативных убеждений и поступать в высшее учебное заведение своей старшей дочери запретил. Надо отдать ему должное: ко времени окончания гимназии моей бабушкой, которая была на 10 лет моложе Тёны, он, не без влияния жены, пересмотрел свои взгляды, и бабушка, сдав дополнительные экзамены за мужскую гимназию, поступила на высшие женские медицинские курсы в Петербурге.

Надежда Павловна, окончив гимназию, пошла работать учительницей в школу Сергея Ивановича Сенькова, владельца ткацко-прядильной фабрики. Вскоре она стала директрисой школы и проработала в этой должности до своей смерти в 1930 году.

Сначала школа была очень маленькой. Помещалась она в покосившемся желтом домике, но по мере расширения деятельности Сенькова росла и школа. Сеньков построил для нее новое белое здание, а для учителей Надежда Павловна отвоевала красный двухэтажный дом. В этом доме у нее было две комнаты, по комнате у каждой учительницы, общая кухня и столовая. Постепенно Сеньков стал наряду с Демидовым самым богатым человеком в Вязниках. Демидов благотворительностью не занимался, а Сеньков по просьбам Надежды Павловны постоянно кому-нибудь помогал: больным чахоткой, способным, но малообеспеченным ученикам и т. п. Надежда Павловна была не замужем и все свои силы отдавала работе.

У нее была подруга из семьи местных немцев – Фрида Крамме. Однажды они вместе совершили большое путешествие по Европе. Тогда это было совсем несложно: надо было сходить в полицейский участок, взять там свидетельство о благонадежности, выправить там же паспорт, купить билеты и ехать куда заблагорассудится. Тёна знала французский, Фрида немецкий, и они, легко преодолевая языковые барьеры, побывали в это лето в Германии, Франции, Италии. Кажется, именно из этого путешествия Тёна привезла неплохую копию «Сельской мадонны» Феррари, которая до сих пор висит в нашей комнате.

Еще несколько сувениров: бронзовую статуэтку Жанны д'Арк, ложечку с изображением Эйфелевой башни и датой «1900» – подарил Надежде Павловне управляющий фабрикой Сенькова Иван Михайлович Новожилов, который работал на Всемирной выставке в Париже. Он очень нежно относился к Надежде Павловне, они любили друг друга, но Иван Михайлович был женат, имел детей, и ни ему, ни ей не приходила в голову мысль о возможности разрушить его семью. После

революции он был, разумеется, лишен всего своего имущества и выслан на Медвежью гору. В это время умерла его жена, и он написал Надежде Павловне, прося ее навестить двух его девочек в Новогирееве. Она поехала туда зимой, в буран, вернулась совершенно больная, с повышенным давлением. В таком состоянии уехала в Вязники, через несколько дней у нее сделалось кровоизлияние в мозг, а еще через несколько дней она умерла. Когда Иван Михайлович вернулся в Москву, ее уже не было в живых. Хоронили Надежду Павловну все Вязники: ее ученики, их родители, их дети запрудили всю центральную улицу, гроб несли на плечах до самого кладбища и останавливались у каждого дома.

Надежда Павловна Любимова – Тёна (1879–1930)

Когда в 1970-х годах мы с мужем были в Вязниках, нам удалось отыскать одну из выпускниц этой школы, окончившую ее сразу после революции. Дочь богатого купца, она доживала свои дни в одиночестве и ужасной нищете. Узнав, что я – внучатая племянница Надежды Павловны, она предалась воспоминаниям о школе, о музыкальных вечерах, о выпускном бале. Было ясно, что это были единственные светлые мгновения в ее нелегкой жизни. О Надежде Павловне она вспоминала с величайшим уважением и благодарностью. Совсем другой прием встретили мы у местного «краеведа». Он долго и подозрительно расспрашивал нас, кто мы такие, а потом сурово сообщил, что о существовании Надежды Павловны Любимовой он знает, но ее деятельность в местной прессе не пропагандирует, поскольку она, кажет-

ся, неправильно повела себя после революции: вместо того, чтобы поддержать большевиков, сочувствовала эсерам. Бабушка была уверена, что она не сочувствовала ни тем, ни другим, а просто пыталась защитить от революционных невзгод своих учеников. Тем не менее на Лубянку ее вызывали, но скоро отпустили, не найдя в ее действиях никакого состава преступления.

Уровень познаний идейного «краеведа» был, по-видимому, весьма невысок. В частности, он авторитетно заявил, что в Песках никогда не было никакой церкви. Все наши заверения, что там служил наш родственник и поэтому церковь там точно была, он отверг как не заслуживающие никакого внимания. Для расследования этой «загадки истории» мы просто съездили в Пески, увидели там развалины церкви и отыскали дом, в котором жил священник Лавров с семейством и куда каждое лето приезжала к ним Анна Михайловна с детьми.

Красный дом, где жила Надежда Павловна, в то время все еще стоял на центральной площади, мы даже попросили разрешения зайти в ее комнаты. Когда-то в них стоял маленький резной шкафчик, на верхней полке которого располагалась привезенная из Парижа Иваном Михайловичем Новожиловым бронзовая статуэтка Жанны д'Арк. Этот шкафчик перешел потом к моей бабушке. В нем хранилось белье четырех поколений нашей семьи. Он по-прежнему называется «Тёнин шкафчик», стоит в нашей квартире и, наверное, ждет, когда в него снова положат комплект детского белья.

Женщина или дама?

Моя бабушка, Мария Павловна (1889–1987), родилась в Вязниках, училась в женской гимназии в г. Иваново. Начитавшись романов Чарской, она мечтала поступить в институт благородных девиц и с нетерпением ждала того момента, когда ее отец получит орден Св. Анны, дававший право на дворянство. Орден Павел Васильевич получил, но к тому времени успели отменить даваемое этим орденом право на потомственное дворянство, и дворянином стал только Павел Васильевич. Поэтому Марусе (так бабушку называли в детстве) пришлось удовлетвориться гимназией. Училась она хорошо, проявляя особенные способности к математике, но в выпускном классе гимназии произошел эпизод, который мог бы привести к весьма печальным для нее последствиям. В то время все увлекались передовыми идеями: сострадали народу, осуждали власть имущих и очень сомневались в существовании Бога. Бабушка основательно проштудировала Эрнеста Ренана «Жизнь Иисуса», который существования Бога не отрицал, но роль Христа оценивал весьма своеобразно. В результате Маруся сделала свои выводы и на обязательной для всех гимназисток исповеди сообщила священнику, что в Бога не верует. После такого признания

священник должен был бы поставить ей двойку по Закону Божьему, что автоматически привело бы к исключению из гимназии и закрыло бы доступ к высшему образованию. К счастью, священник был в очень дружеских отношениях с Павлом Васильевичем. На исповеди он сделал вид, что не расслышал, а в доверительной беседе с бабушкиным отцом попросил сделать ей надлежащее внушение и сказать, чтобы впредь она ничего подобного вслух не произносила. Таким образом, Маруся Любимова благополучно окончила гимназию.

Вскоре после этого, когда бабушке было 18 или 19 лет, она заболела брюшным тифом. В жаркий день они с веселой компанией катались на лодке по реке, захотелось пить, Маруся зачерпнула пригоршню воды из реки и выпила. Болезнь протекала очень тяжело, врачи уже теряли всякую надежду, когда она увидела в полузабытьи образ Казанской Божьей Матери, которая сказала ей, что скоро будет кризис и она выздоровеет. Бабушка рассказала об этом своей маме Анне Михайловне. Из церкви был принесен соответствующий образ, отслужен молебен, и больная действительно через день пошла на поправку. Несмотря на этот случай, в Бога она так и не уверовала, хотя жизнь вела поистине подвижническую, всю ее посвятив своим родным. До 93 лет она вела практически все домашнее хозяйство нашей большой семьи, состоявшей из четырех поколений. Но и позднее, перенеся несколько тяжелых болезней, она все еще пыталась внести свой вклад в этот нелегкий процесс.

Когда бабушка заболела брюшным тифом, ее, как это тогда полагалось, остригли, и она со своей мальчишеской прической приобрела настолько современный вид, что моя внучка в детстве путала мои и бабушкины фотографии.

Чтобы получить высшее образование, надо было сдать экзамены за мужскую гимназию. Маруся Любимова мужественно выучила за год латынь, греческий и дополнительный материал по математике, сдала все дополнительные экзамены в Егорьевске и поступила на высшие

Мария Павловна Любимова, 1909

женские медицинские курсы в Петербурге. Обучаясь на курсах, бабушка чуть не уморила себя голодом, решив, что она слишком полная и ей надо срочно похудеть. Обладая незаурядной силой воли, она соблюдала строжайшую диету и отказалась от всех видов транспорта, хотя очень любила кататься на извозчиках «с дутыми шинами». Когда в совершенно отощавшем виде она появилась в Вязниках, ее мама («бабатик») решила, что у нее последняя стадия чахотки, и отправила ее на юг под присмотром старшей сестры Нади. На юге, выйдя на пляж и увидев в первый раз людей в купальниках, Маруся пришла в ужас и сказала, что такого неприличия ни за что не допустит. Надежда Павловна ее уговаривала три дня. В конце концов бабушка согласилась, и выглядела в купальнике, наверное, очень неплохо, потому что фигура у нее всегда (вплоть до глубокой старости) была отличная.

Медицинские курсы бабушка так и не окончила, потому что падала в обморок при виде крови. Окончание ее медицинской карьеры совпало с более радостным событием – она вышла замуж за Гавриила Федоровича Юрова. Дед только что окончил курс в Институте инженеров путей сообщения и получил звание инженера-путейца. Был он красавцем почти двухметрового роста, с голубыми глазами, светлыми волосами и роскошными усами. Дед происходил из казаков станицы Ахтубинская, все жители которой отличались, по семейной легенде, исключительно высоким ростом и служили, как правило, в гренадерских полках. А фамилия Юровых происходила, также по семейному

Мария Павловна и Гавриил Федорович Юровы,
1913–1914 годы

преданию, не от имени Юрий, а от слова «юр» – видное место. Должно быть, дом Юровых когда-то стоял на возвышении или в центре станицы на базарной площади.

Венчались Мария Павловна и Гавриил Федорович 8 января (по старому стилю) 1913 года в Вязниках. Шафером был отец бабушкиной невестки Матрёнинский, подругой невесты – лучшая бабушкина подруга Шура Мумрикова (убита во время Гражданской войны). После венчания был ужин в красном доме, где жила Надежда Павловна.

Сначала молодые отправились на строительство Амурской железной дороги. Поскольку бабушка была в молодости большая модница, она договорилась со своей петербургской портнихой, что будет выписывать себе туалеты по почте. Молодая дама сообщала портнихе, что ее размеры за последнее время не изменились, и портниха высылала ей то летнее платье, то осенний костюм, то вечерний туалет, сшитые по последней моде.

В 1914 или 1915 году Юровы переехали в Москву. Управление железной дороги, на которой должен был служить дед, предоставило им хорошую пятикомнатную квартиру в Лихоборах. Бабушка, которая в то время уже ждала ребенка, поселилась на первое время в номерах. Туда к ней приходил приказчик с образцами обоев и тканей для обивки мебели. Мария Павловна давала руководящие указания, и ремонт в скором времени был завершен. Мой папа родился в 1915 году. К нему взяли няню Ксюшу из Вязников, и жизнь потекла тихо и мирно, несмотря на то что уже шла Первая мировая война. Бабушка говорила, что на московской жизни она никак особенно не отразилась, да и все их окружение от войны практически не пострадало.

Крутой поворот в их существовании наступил после революции. Деда направили руководить ремонтом железнодорожных путей, которые взрывали белые при своем отступлении на восток. Жить стало чрезвычайно трудно, наступили большие проблемы с продуктами. Особенно удручало бабушку отсутствие главного напитка всей ее жизни – кофе, который она полюбила восьми лет от роду и пила, несмотря на гипертонию и плохое сердце, в течение 90 лет. Каким-то образом, кажется в Екатеринбурге, ей все же удалось раздобыть порядочный мешочек кофе и мешок муки. Все это она спрятала в нишу за высоким зеркалом в передней квартиры, которую они тогда занимали. До глубокой старости она с замиранием сердца вспоминала солдат, которые неожиданно нагрянули с обыском. К счастью, заглянуть за зеркало они не догадались. Бабушкины запасы и жизнь семьи были спасены.

Вернувшись в Москву, дед получил ордера на осмотр жилплощади. Бабушка съездила в их бывшую квартиру в Лихоборах и пришла в ужас от перспективы остаться на зиму без дров в промерзшей квартире. После этого она поехала в коммунальную квартиру на Покровке.

Там было тепло, на кухне приветливо гудели керосинки и примусы. Деду в этой квартире предоставили две комнаты. В них бабушка с семейством, а потом и присоединившаяся к ним моя мама прожили больше 40 лет.

Сережа Юров и няня Ксюша, 1918

Несмотря на все невзгоды жизни в коммуналке, эвакуацию и постоянную борьбу за существование в последующие годы, бабушка неизменно сохраняла оптимизм, большой интерес ко всему происходящему (в последние годы особенно к политике) и неистребимые установки 19 века: дама должна иметь хотя бы одно «струящееся» платье; сумку

Мария Павловна Юрова, 1955

надо держать на сгибе руки, а не в руке; сережки с глазка́ми годятся только для «горняшек» (горничных); в гостях надо доедать все, что положено на тарелку; в дубленке становишься похожей на машиниста; кофе надо покупать в зернах в «Чаеуправлении» на Мясницкой, а если чего-то нет в магазинах, это наверняка можно купить «у баб на рынке». До сих пор у меня вызывает содрогание, когда интеллигентные милые мамаши на людях спрашивают своих деток: «Ты пи́сать или (еще того хуже) какать хочешь?» Столь же отвратительным представляется и обращение «женщина».

Когда мы еще жили на Покровке, бабушка как-то раз сидела в комнате за швейной машинкой. На пороге появилась домработница Маша и объявила, что там «какая-то спрашивает Веру Матвеевну». Не поворачивая головы, бабушка поинтересовалась: «Кто? Женщина или дама?» Маша не растерялась, она мгновенно оценила всю глубину вопроса и ответила: «Женщина, хотя и с портфелем». Женщина оказалась доцентом кафедры иностранных языков МЭИ М.Э. Бахчисарайцевой, автором пособия по английскому языку для студентов энергетических вузов, которое до сих пор не утратило своей популярности и было переиздано последний раз в 2010 году.

Сама бабушка оставалась настоящей дамой все 98 лет, которые она прожила. Все окружающие как-то инстинктивно ощущали это и относились к ней всегда с подобающим уважением.

Ул. Чернышевского, д. 10, кв. 38, тел. К7-87-19

Наш дом стоял во дворе на углу улицы Чернышевского (Покровки) и Покровского бульвара. Наискосок от входа в наш двор, на втором этаже двухэтажного дома находился кинотеатр «Аврора», а напротив – сначала трамвайное кольцо, а потом стоянка такси. Именно в этом месте в марте 1953 года кончалась очередь желающих проститься со Сталиным. Мы с мамой шли домой, и она, правда без особого энтузиазма, предложила тоже встать в эту очередь. Стоять в длинной очереди мне не хотелось, я решительно воспротивилась и, возможно, спасла жизнь нам обеим, потому что в давке на Трубной площади погибло в тот день множество народа.

До революции наш дом и дворовые постройки принадлежали купцу Н.И. Оловянишникову, который обеспечивал «предметами культа» (ризами, окладами, паникадилами, иконами и т. п.) почти всю Россию, но особенно он любил колокола и даже опубликовал две книги по исследованию колокольного дела. Как памятник этому увлечению в нашем дворе долгое время стоял маленький домик без окон с толстенными стенами. По рассказам старожилов, в нем испытывали звучание колоколов. В наше время там была сначала керосиновая лавка, а потом какой-то склад.

До революции квартиры в доме Оловянишникова отдавались внаем, а после, естественно, превратились в коммунальные. Наш дом был выстроен с купеческой основательностью: стены были толщиной около метра, и в детстве я летом спокойно загорала на подоконниках. На наш второй этаж вела ажурная чугунная лестница. Высота потолков была около четырех метров. Комнаты отапливались высокими белыми кафельными печами. Зеркало печи и вьюшки выходили в комнату, а дверцы для загрузки дров – в коридор, чтобы кухонный мужик мог выполнять свои обязанности, не мешая хозяевам. Все печные дверцы были литые чугунные с разнообразными античными сюжетами, которые я очень любила рассматривать. Еще одним интересным занятием было пристальное вглядывание в паркет, выложенный большими кубиками, которые, если на них пристально смотреть, переворачивались то вверх, то вниз.

Гости у Юровых на Покровке.
Стоят слева направо: сестра деда – Таисия Федоровна, Галина Ясинская.
Сидят: бабушка, Зинаида Семеновна Онохриенко, дед.
На переднем плане – Василий Ипатьевич Онохриенко (врач-отоларинголог, заведующий сурдологическим отделением Центральной поликлиники слуха и речи), ок. 1925 года

Весной появлялся еще один источник развлечений. Дело в том, что окно моей комнаты, в отличие от остальных окон, было до по-

ловины закрыто стеной соседнего дома. Между окном и краем крыши этого дома была щель шириной 15–20 см и глубиной, равной половине высоты окна, поскольку снизу она ограничивалась отливом моего окна. Как только мартовские коты заводили свою военную песню где-то наверху, на коньке крыши, я сразу бежала в свою комнату, чтобы быть на месте ко времени развязки. Немного попев, коты вцеплялись друг в друга и, потеряв всякую осторожность, с грохотом катились по скату железной крыши. А на краю их ожидала моя коварная щель, в которую они проваливались с душераздирающим воплем, пролетали до отлива, ударялись об него и с диким воем, позабыв о своих распрях, выскакивали обратно на крышу и разбегались в разные стороны.

Были у нас и свои коты: три поколения Микешек, но после того, как украли последнего, самого красивого и беззлобного из них – черного Мику с белым галстучком, больше котов мы не заводили. Зато бесхозные кошки время от времени накапливались на коммунальной кухне в значительных количествах. Однажды, когда численность кошачьей популяции превысила все пределы, бабушка с домработницей Машей, потеряв терпение, задумали враждебную акцию. Выждав, когда на кухне никого не было, они распихали всех кошек по двум хозяйственным сумкам, довезли их на трамвае до конца маршрута, вытряхнули из сумок в чей-то подъезд и быстро закрыли дверь (наверное, для того, чтобы кошки не могли проследить, на каком трамвае их привезли). Дома наши преступницы еще долго лицемерно осведомлялись, куда это подевались всеобщие любимицы.

Как-то в разговоре с одним молодым знакомым случайно были упомянуты коммунальные квартиры. Он призадумался и сказал: «Да, я как-то был в одной коммунальной квартире». В наше время такая фраза была совершенно немыслима, потому что в коммуналках жили все, а отдельные квартиры были, напротив, редчайшим исключением. Стержнем нашей коммунальной квартиры был длинный коридор, по которому дети катались на велосипеде. В коридор выходили все многочисленные комнаты, в которых обитало восемь семей.

Там же висел на стене классический черный телефон, номер которого я помню до сих пор: К7-87-19. Правда, пользование им было весьма ограниченным: договориться о встрече, узнать уроки. Стоило разговору чуть-чуть затянуться, за спиной начинали бродить желающие позвонить или ожидающие звонка. Уборка мест общего пользования осуществлялась по очереди в зависимости от количества жильцов. На довольно большой кухне стояло соответствующее числу семей количество столиков, на которых сначала располагались керосинки и керогазы. Потом провели газ. Ванна тоже появилась не сразу. Сама она, правда, была, но пользоваться ей начали только после установки газовой колонки. Туалет был, естественно, один, и по утрам туда образовывалась очередь, которая тогда никого не смущала.

Больших скандалов среди населявшей квартиру разношерстной публики не было, но и идиллической дружбы с взаимопомощью и совместными праздниками, о которой теперь некоторые люди вспоминают с ностальгией, не наблюдалось. Дети тоже не дружили, но и не враждовали. Кроме меня, их было четверо: две девочки Галущенко и близнецы Ермолаевы-Фрисман. У близнецов, как это ни странно, были разные фамилии, и вот как это получилось. Когда началась война, мама близнецов – Галина Павловна, как раз была в положении. Отца призвали в армию, и они договорились, что, если родится девочка, она получит фамилию отца Фрисман, если мальчик, фамилию матери – Ермолаев. Отец погиб на фронте, а родились двойняшки: мальчик и девочка. Так они и стали Боря Ермолаев и Леночка Фрисман. Их мама Галина Павловна была опытной косметичкой, и все дамское население квартиры «наводило у нее красоту».

Иногда у нас появлялись «временные» дети. Это происходило, когда дочь Елизаветы Кирилловны министерский работник Галя приводила какого-нибудь очередного мужа с ребенком. Но долго эти мужья и дети не задерживались. Мой папа и Галя были приблизительно одного возраста, оба выросли в этой квартире, и на этой почве между их

В комнате Ясинских. Слева направо: Елизавета Кирилловна Ясинская: Зинаида Николаевна Галущенко и моя бабушка, 1959

мамами – моей бабушкой и Елизаветой Кирилловной установились несколько более дружеские отношения, чем между остальными соседями. Время от времени они ходили друг к другу пить чай, причем Елизавета Кирилловна попивала чаек из нашего самовара. Когда мы уехали в эвакуацию, он остался вместе с другим имуществом в наших комнатах. Одни из наших соседей решили воспользоваться моментом, собрали приглянувшиеся им вещи по всем оставленным жильцами комнатам и стали их пропивать в ожидании прихода немцев. Несмотря на военное время, а может быть, именно благодаря этому, их деятельность очень быстро прекратили, все семейство то ли посадили, то ли выслали, а вещи отобрали. Наш самовар они, по-видимому, успели продать Елизавете Кирилловне, и так он у нее и остался. За очередным чаепитием Елизавета Кирилловна доверительно говаривала бабушке: «Я, Мария Павловна, конечно, знаю, что это ваш самовар, но так к нему привыкла, что просто никак расстаться не могу».

В самом конце коридора жила скромнейшая и тишайшая Шура, работавшая швеей на какой-то фабрике. После того как мой папа в первый раз съездил в командировку за границу, вся квартира, естественно, пришла в большое волнение, а Шура, напротив, погрузилась в глубокую задумчивость. Через некоторое время она все-таки сформулировала вопрос: «Сергей Гаврилович, вот вы во Франции были. А что, правду говорят, что там никто нашего языка не знает и все только по-французски разговаривают?»

Напротив наших комнат жила малюсенькая старушка Ревекка с внуком Зюкой. Ее дочь Раю посадили по неизвестной причине еще до войны, и Ревекка из сил выбивалась, холя и лелея ненаглядного Зюку. Бабушка соседку жалела, но не одобряла за бестолковость и безудержное баловство внука. Время от времени к Ревекке приходила ее родственница Соня, она выходила на общественную кухню и развлекала всех чтением анекдотов из своей записной книжки. Эта записная книжка была ее основным орудием труда, поскольку она зарабатывала тем, что ходила по квартирам и уговаривала жильцов отдать увеличить свои фотографии. Для этого она разработала специальную стратегию, включавшую в себя анекдоты как обязательный элемент. Думаю, что ее метод был очень близок к тому, что рекомендует Карнеги, а кое-что она могла бы, наверное, к его наставлениям и добавить, поскольку для того, чтобы в послевоенное время заставить людей раскошелиться на увеличение фотографий, надо было быть настоящим виртуозом. После смерти Сталина вернулась Рая. Выглядела она старше своей матери, непрерывно курила и виртуозно ругалась.

В ближайших к входной двери комнатах жила чета Вулкановых: Катя и алкоголик Сергей. Катя была намного старше Сергея и проводила жизнь в тщетных попытках отучить его от пьянства. Однажды она решила, что ему может помочь какое-нибудь коллекционирование. Супруги стали собирать спичечные этикетки, но это средство оказалось слишком слабым. Катя была не лишена некоторой доли кокетства.

Понаблюдав за тем, как одевается моя мама, она объявила на коммунальной кухне, что ничего хитрого тут нет и она может выглядеть ничем не хуже. Для этой цели она купила голубые носочки с зеленой каемочкой и белый нитяной вязаный берет. Надев все это, она ощутила себя на вершине элегантности и больше о своей внешности не беспокоилась. Уже после нашего отъезда Сергей повесился в дровяном сарае, а Катя умерла от ожогов, сунув голову в горящую духовку.

В 1960 году папе наконец дали трехкомнатную квартиру в хрущевской пятиэтажке на проспекте Мира, дом 188. Мама ликовала. В день переезда она первая покинула нашу коммуналку, сказав, что ее ноги больше там не будет. Она действительно больше ни разу не зашла в нашу бывшую квартиру. Мы постепенно перетаскивали все наше барахло, а мама вошла в пустую новую квартиру, бросила в угол шубу, села на нее и руководила нашими действиями из этого командного пункта. По-моему, после 43-летнего кошмара коммунальной квартиры это более чем скромное жилище доставило ей гораздо больше радости, чем великолепная (по тем временам) квартира на Фрунзенской набережной, куда мы переехали через восемь лет. При переезде с Покровки мама стремилась взять с собой в новую жизнь как можно меньше вещей из старой квартиры. Мы с папой ее понимали и не очень сопротивлялись, когда в сарае были оставлены подшивки популярного в начале века журнала «Живописная Россия», тома Брэма «Жизнь животных» и атласы по античной истории. Единственной позицией, по которой мы проявили полное единодушие и принципиальность, была энциклопедия Брокгауза и Ефрона. Все 80 с лишком томов были перевезены сначала на проспект Мира, а потом и на Фрунзенскую набережную. До сих пор они являются для нас ценнейшим источником информации, вполне способным конкурировать с Интернетом.

Кофточка с обезьянкой

На дне одного из глубоких ящиков старинного поставца лежит суконная детская кофточка с аппликацией в виде маленькой обезьянки. История этой скромной одежки связана с историей маминой семьи.

У маминого отца, Матвея Иосифовича Миримова, на центральной улице в Казани был магазин головных уборов и при нем мастерская. В этой мастерской изготавливали в основном меховые шапки и форменные фуражки, которые в то время должны были носить многие: от гимназистов до чиновников различных ведомств. Самым трудным элементом фуражки считалась узенькая выпушка (цветной кантик между околышем и тульей и по краю тульи) шириной не более 1–2 мм. Шили эту выпушку, разумеется, вручную, и по тому, насколько она была ровной, судили о качестве работы. Мой дед и его двоюродный брат, который тоже был мастером по изготовлению фуражек, устраивали время от времени соревнования, у кого ровнее получается выпушка. По семейному преданию, побеждал большей частью наш дедушка. Впрочем, возможно, что в семье его кузена на этот счет придерживаются другой точки зрения. Во всяком случае, и у того, и у другого работа шла хорошо. В мастерской

деда трудились несколько рабочих, а в магазине за кассой сидела моя бабушка Мария Ефимовна – элегантная блондинка с голубыми глазами, что также немало способствовало успеху предприятия.

Семья Миримовых располагалась в большой, хорошо обставленной квартире в Александровском пассаже. На камине стояли черные мраморные часы, показывавшие не только время, но и дни недели, и дату. Они сохранились, но, несмотря на все наши усилия, ходить не желают. У детей – Веры (моей будущей мамы) и ее младших братьев Лёвы и Гриши, была гувернантка немка Маргарита Рудольфовна. Детей водили в частный детский садик. С ним связан драматический эпизод: из передней была похищена мамина новенькая котиковая шубка. Пришедшая за ребенком Мария Ефимовна, не устроив никакого скандала, завернула дочку в пальто, которое одолжила директриса сада, и отвезла ее домой. Лет через двадцать пять мама встретила эту директрису на какой-то педагогической конференции. Сначала директриса никак не могла вспомнить свою бывшую воспитанницу, но, когда в разговоре была упомянута украденная шубка, сразу подобрела и сказала: «Какие у тебя благородные родители!»

Кофточка с обезьянкой

Маме 1 год

Матвей Иосифович
и Мария Ефимовна Миримовы,
1907

Эта идиллия закончилась в 1918 году, когда в Казани окончательно утвердилась власть большевиков. И хотя дед был первым, кто наладил в городе изготовление буденовок, он разделил участь всех «богачей»: магазин и мастерскую опечатали и объявили, что отныне все принадлежит народу. Тем не менее под покровом ночной темноты с черного хода, который опечатать не догадались, настоящие хозяева все-таки ухитрились вынести и припрятать у многочисленных родственников несколько штук сукна и кое-что из мехов. Дедушку выслали, предварительно экспроприировав все, что было ценного в квартире. При этом дележ добычи происходил тут же, на глазах у детей. Победившие пролетарии рассовывали по карманам золотые часы, цепочки, брошки, выронив только одну из дедушкиных запонок. Эта запонка была изготовлена в виде первой буквы дедушкиной фамилии – «М». Дед оставил ювелиру свою подпись, и тот в точности воспроизвел «М» из золота и мелких хризолитов. Позже одинокая запонка была преобразована в брошку.

Маме 2 года, (котиковая шуба, по-видимому, еще не сшита)

Вера, Лёва и Гриша Миримовы с Маргаритой Рудольфовной, 1914–1915 годы

Выпускной класс экспериментальной школы при Казанском университете. Первая справа сидит – Евгения Гинзбург, третья справа сидит на земле – мама, 1928

Из Казани все семейство – бабушка и трое детей – в конце 1920-х годов вынуждено было уехать. Мама успела к тому времени окончить школу в Казани. Это была просуществовавшая очень недолго экспериментальная школа при Казанском университете. Там преподавали университетские профессора, а обществознание вела Евгения Гинзбург – мать Василия Аксенова и автор известной книги «Крутой маршрут». Некоторые предметы вообще отсутствовали. А профессор химии пришел в класс, увидел своих будущих учеников и, сказав: «Я этих сопляков учить не буду!», развернулся и ушел. Так мама и прожила всю жизнь, ничего не зная об этом предмете, но большой ущербности, по-моему, от этого не чувствовала. Школу закрыли после того, как Луначарский назвал ее «буржуазной заводью».

Поступить в вуз в Казани маме не удалось, поскольку она честно написала в анкете, что происходит из буржуазной семьи. Наученная горьким опытом, она уехала в Ленинград и поступила там в институт иностранных языков им. Герцена, слегка скорректировав свое происхождение. Приняли ее сразу на второй курс в связи со свободным владением немецким, закрыв при этом глаза на несоответствие этого факта с пролетарским происхождением. Иногда «буржуйская» закваска все-таки давала себя знать, и однажды мама неосмотрительно пришила к своей повседневной кофточке белый воротничок, за что и была «прохвачена» в институтской стенгазете. Поступил в институт и дядя Лёва, а баба Маня с младшим сыном приютилась в деревенской избе где-то в Подмосковье.

Время было голодное и холодное, и спасенные во время революции запасы меха и сукна очень пригодились. Время от времени из них что-нибудь изготавливалось для всего семейства. У нас долгое время хранились юбка из сукна цвета «жандарм» и мамин берет из темно-зеленого сукна. Закончились эти запасы только после войны, когда дедушки уже не было в живых. Один из последних остатков синего сукна был употреблен в конце войны на изготовление для меня кофточки.

Лена Юрова, 1945

Эту кофточку украшали красный суконный воротничок и маленькая, вырезанная из того же красного сукна обезьянка. Обезьянку нарисовал мамин младший брат Гриша. По тем временам это был шикарный наряд, и меня отвели в нем сфотографироваться, по семейному преданию, к знаменитому Наппельбауму. Мне эта фотография, в отличие от всех последующих, всегда очень нравилась, а вот мама почему-то осталась недовольна и даже сказала Наппельбауму, что он изуродовал ребенка.

Лет через пятьдесят эта фотография и чудом сохранившаяся кофточка были извлечены на свет божий в качестве материала для будущей книги Саши Васильева, который собирался писать об истории советской моды. Заодно была рассказана и история с фотографией. К моему большому изумлению, Саша немедленно все объяснил: «Ваша мама была совершенно права, – сказал он. – Посмотрите, ведь на фотографии обезьянка видна в зеркальном отображении. Значит, при печати пленка была поставлена не той стороной. А поскольку у всех людей лица немного асимметричны, ваше зеркальное отображение получилось, действительно, непохожим».

Открытка с фотографией Греты Гарбо

В нашем семейном архиве хранится немецкая открытка с фотографией Греты Гарбо. С ней связана необычная история, которую придется начать издалека.

Окончив институт иностранных языков им. Герцена в Ленинграде, мама переехала в Москву и в 1931 году начала свою педагогическую деятельность в МЭИ, где и проработала 42 года с кратким перерывом на эвакуацию.

В это время маме было всего 22 года, и студенты, особенно рабфаковцы, были зачастую значительно старше ее. Наверное, многие из них проявляли интерес к молоденькой преподавательнице.

Однако наибольшую настойчивость проявил Сережа Юров, успевший к тому времени окончить ФЗУ (фабрично-заводское училище) и поступить в МЭИ. Получить рабочую специальность было в то время необходимо все по той же причине: детей служащих в вузы не принимали так же, как и потомков прочих паразитических классов. Студент Юров на всю жизнь запомнил тот день, когда, зайдя на кафедру иностранных языков, увидел сидящую в непринужденной позе тоненькую элегантную даму в зеленом берете на пышных вьющихся волосах. Она что-то рассказывала, а все окружающие ловили каждое ее слово.

Сергей Гаврилович Юров, 1932

Вера Матвеевна Миримова, 1930

Первые студенты, 1931

Родители поженились в 1937 году, в 1939-м появилась на свет я, а папа защитил с отличием диплом и начал работать во Всесоюзном электротехническом институте (ВЭИ). Все студенческие годы папа увлекался альпинизмом и достиг в этом виде спорта вполне серьезных результатов. Но в 1939-м или следующем году во время очередного восхождения он упал в глубокую расщелину и едва не потерял ногу. Ко времени начала войны он передвигался только с палкой, но и это ему стоило большого труда. Поэтому научный сотрудник Юров вместе со своим институтом отправился в эвакуацию в Свердловск, где занялся разработкой прожекторов для нужд фронта. Это время подробно описано в его дневниках, которые папа вел с 1942 по 1948 год.

Папины дневники 1942–1948 годов изданы отдельной книжкой «Дневники С.Г. Юрова» (М.: Кругъ, 2010).

В Свердловске папа жил в лаборатории, где и работал, а мы с мамой и бабушкой были оставлены в Красноуфимске, поскольку в Свердловске найти жилье было совершенно невозможно. Первый год жизни в эвакуации был очень тяжелым: хозяйка всячески нас третировала как московских бездельников и нахлебников. Пропитание было чрезвычайно скудное, дров не было. На следующий год счастье нам улыбнулось, и в Красноуфимск был эвакуирован Харьковский механико-машиностроительный институт. У них отсутствовал заведующий кафедрой иностранных языков, и в 1942 году мама наконец обрела работу. Отношения с хозяйкой сразу потеплели, а когда к Новому году институт выделил маме живого поросенка, стали самыми сердечными. Несмотря на заметное улучшение нашего благосостояния, в начале 1943 года я тяжело заболела. В Красноуфимске, кроме военного госпиталя, практически никакой медицины не было, и детский врач, случайно там оказавшийся, посоветовал везти меня в Москву. К тому времени в Москву уже вернулся мой дед, который и оформил вызов мне и бабушке. В то время возвращение в столицу без вызова строго каралось. Вскоре в Москву переехал вместе с ВЭИ и папа. А маму еще

Лена Юрова. Красноуфимск, 1942

несколько месяцев не отпускали с работы, поскольку ее институт не мог покинуть Красноуфимск до освобождения Харькова.

От пребывания в Красноуфимске никаких «сувениров», естественно, не осталось, кроме моей детской фотографии 1942 года.

В конце войны и сразу после ее окончания наступило время законных и не совсем законных репараций. Из Германии государство вывозило оборудование целых заводов, архивы, культурные ценности, а советские граждане просто везли кто что мог взять в нищий, разоренный советской властью и войной Советский Союз.

В 1945–1946 годах я еще в школу не ходила. У меня была единственная подружка Ирочка Бурзи. Наши бабушки водили нас вместе гулять, и мы по очереди ходили друг к другу в гости. Ирочка хотела стать балериной, а я астрономом, хотя и на балерину тоже иногда соглашалась. Кукол у нас практически не было, играли с довоенным пупсом и котом Микешкой. Но вот однажды из Германии вернулся Ирочкин папа, который работал там переводчиком. При нас начали распаковывать его многочисленные чемоданы. В каждом чемодане было что-то невероятно прекрасное. Я запомнила чемодан с чулками и еще один с искусственными цветами. Но самым восхитительным были, конечно, детские книжки и игрушки. Нам особенно полюбилась книжка-раскладушка, в которой кудрявая пухленькая девочка

играла со своими куклами: она стирала белье, готовила, вызывала к ним доктора. Наши игры были очень далеки от этого идеала, но само его существование «меняло жизнь к лучшему». К какому-то празднику родители Ирочки тоже подарили мне немецкую куклу. У нее были закрывающиеся глаза, кудрявые черные волосы, за беленькими зубками вдвигающийся розовый язычок, а при покачивании она говорила «мама». На ней было надето великолепное атласное платье, а на голове незабываемый салатный чепчик с оборкой. Его я время от времени примеряла и на кота, что он терпел совершенно безропотно.

Еще одно соприкосновение с западной культурой произошло уже в школе. Когда я училась в третьем классе, у нас появилась новая девочка – хорошенькая Таня Белоусова. Ее отец тоже работал переводчиком в наших оккупационных войсках в Австрии, и они только что оттуда вернулись. Весь класс с восхищением разглядывал толстенькие тетради в плотных розовых обложках и пухлые ластики, которые действительно стирали, а не рвали бумагу. Жили Белоусовы в Зарядье в каком-то доходном доме, построенном для бедноты, в двух узких и мрачных комнатах. Там мы с Таней извлекали вечерние туалеты ее мамы, наряжались в шелковые и бархатные платья, расшитые блестками, и воображали себя неземными красавицами.

Но главным послевоенным событием в нашей семье была поездка в Германию моего папы, Сергея Гавриловича Юрова. Он к тому времени уже защитил диссертацию и по-прежнему работал в ВЭИ. Его и еще одного сотрудника института, его близкого друга – Ефима Самойловича (Фимочку) Ратнера, сразу после окончания войны командировали в Германию, чтобы они вывезли оборудование заводов Цейса. Хотя они и были людьми сугубо штатскими, для солидности им присвоили какие-то воинские звания и распорядились предоставить в их распоряжение целый эшелон. Германия лежала в руинах, отношение к нашим военным было не самое доброжелательное, приходилось постоянно быть настороже, следить за тем, чтобы не скрыли и не ис-

портили какое-нибудь оборудование. Запомнился только один рассказанный папой эпизод. Когда они вдвоем с Фимой были на каком-то заводе, им захотелось пить, и они попросили у немцев воды. Один из немцев удалился и довольно долго не возвращался. У обоих появилось подозрение, не подмешивает ли он чего-нибудь в воду. Тем не менее принесенную воду они мужественно выпили, и их подозрения, к счастью, не оправдались. В Германии они по своим делам общались с заведующим складом трофейного имущества. Он чрезвычайно расположился к командированным, привел их на склад и предложил выбирать из хранившегося там имущества что душа пожелает. До сих пор помню папино описание этого склада: громадный ангар с уходящими куда-то вдаль полками, плотно уставленными всяким добром. Несмотря на щедрость начальника и наличие эшелона, папа взял только полевой бинокль, который у нас хранится до сих пор.

Моя мама достаточно хорошо знала папин характер и отчетливо представляла себе, что он будет заботиться только о порученном ему деле. Все же она была несколько обескуражена скудностью привезенных им подарков. Это был вышеупомянутый бинокль, немецкий энциклопедический словарь *Duden*, несколько немецких детективов, ночная рубашка и набор маленьких цветных репродукций картин знаменитых художников. Репродукции мне очень понравились, я их перебирала бесконечно, играла с изображенными на них персонажами и, наверное, именно тогда начала понимать прелесть ренессансных портретов и пейзажей импрессионистов. Везти с собой немецкие книги было делом рискованным, потому что разрешалось провозить все, кроме любых печатных изданий, поскольку они могли быть источником враждебной идеологии. Тогда сажали за гораздо более мелкие прегрешения, чем контрабандный ввоз на территорию СССР фашистской литературы. Но моя мама была преподавателем немецкого языка, для нее эти книги и словарь были, естественно, настоящим сокровищем, и папа умудрился провезти их через все пограничные кор-

Мама, 1945

Грета Гарбо, 1940-е годы

доны. Голубая трикотажная ночная рубашка долгое время представлялась мне самым прекрасным швейным изделием в мире. Она была, действительно, исключительно лаконична и элегантна: спереди у нее был глубокий запáх, а на талии широкая, выстроченная сеткой резинка, от которой начиналась длинная, до полу, юбка. По фасону она очень походила на модные тогда вечерние платья. Сходство ночных рубашек того времени и парадных платьев послужило основой ходивших тогда везде слухов о том, как жены наших офицеров появились в Германии в театре в ночных рубашках.

А самым лучшим привезенным папой подарком неожиданно оказалась обыкновенная открытка. Однажды, будучи в Германии, он заблудился и решил спросить дорогу. Подойдя к ближайшему дому, папа постучался. Дверь была приоткрыта, но никто не ответил. Тогда

Мама, 1926

Грета Гарбо

он открыл дверь и увидел пустой дом, весь пол которого был покрыт брошенными в спешке бумагами, документами, письмами, фотографиями, открытками. Каково же было его изумление, когда среди этого хлама он увидел валяющуюся на полу мамину фотографию! При ближайшем рассмотрении это оказалась открытка с изображением снятой в профиль Греты Гарбо. Гладко зачесанные назад волосы с пучком на затылке, черты лица, взгляд – сходство было просто поразительным. Эта открытка долгое время лежала у нас под стеклом на письменном столе, и все приходившие к нам в дом спрашивали: «Верочка, кто это вас так удачно сфотографировал?»

Позднее мы посмотрели несколько фильмов с Гретой Гарбо и убедились, что они с мамой отнюдь не были двойниками. Тем не менее нашлись еще две фотографии, на которых проглядывает их опреде-

ленное сходство. Возможно, было у них нечто общее и в характерах. Судя по биографии актрисы, ей были присущи независимость суждений и поведения, а также несгибаемая сила воли. Конечно, мама была совершенно другим человеком, но эти черты у нее были, безусловно, ярко выражены. Сегодня на нашем секретере в черной рамке стоит мамина фотография именно в том развороте, в котором была запечатлена когда-то Грета Гарбо.

Кроме того, в Интернете я обнаружила, к своему удивлению, что наша открытка отнюдь не является общеизвестной. Среди сотен изображений кинодивы не нашлось ни одной идентичной фотографии.

Издания автора

Старинные русские работы из бисера. М.: Истоки, 1995.
Эпоха бисера в России. М.: Интербук-бизнес, 2003.
Старинные узоры для вышивания. М.: Этерна, 2010.
Блеск и нищета бижутерии. М.: Этерна, 2016.

Сборники:
Старинные русские работы из бисера/ Панорама искусств. 1988, №11. С. 56–70.
Украшения в СССР. Советский стиль. М.: Аванта+, 2012. С. 52–73.
Вступительная статья. Каталог выставки «Узор воспоминаний». М.: Фонд «Русское культурное наследие», 2014. С. 7–24.
Russian beadwork in connection with Russian history. International Bead & Beadwork Conference, Istanbul, 2007.
Труды Международной конференции в Стамбуле, 2007.

Статьи в журналах:
«Декоративное искусство СССР», «Декоративное искусство 1957–1999...», «Наше наследие», «Пинакотека», «Мир музея», «Антиквариат», «Золотая палитра», *Sammler-Journal*, *Bead Society of Great Britain. Newsletters.*

Содержание

Предисловие 5
Тёнин шкафчик 7
Женщина или дама? 20
Ул. Чернышевского, д. 10, кв. 38, тел. К7-87-19 27
Кофточка с обезьянкой 34
Открытка с фотографией Греты Гарбо 40
Наши наряды 49
1961 год 64
Наташа Рытова 68
Ленинградский кошелек 77
Наши путешествия 83
Староселье 96
Коты 113
Начало коллекции 121
Стол на лирах 130
Букет Миримовых 134
«Юстиция» 142
«Голубки» Наташи Знаменской 149
Мозаика на воске 155
Нина Ивановна, «Алиса в стране чудес» и французские куклы 160
Стол с бисерной вышивкой 170
Гвоздик 184
Бисерное яичко 191
Гравюры Йозефа Вагнера 198
«Офицер на тройке» 202
«Пастушка» 209
Сумочка с ночными бабочками 218
Бисерный чехольчик Наташи Шестаковой 221
«Наполеончик» 226
«Орел на чаше» 231
«Мы на лодочке катались...» 236

Шкатулка для бисера ... 239
Татьяна Ильинична Васильева ... 250
Донской казак на немецкой сумочке ... 255
Реставрация ... 267
Кошелек Н.Е. Добычиной ... 289
Дама и кавалер, швейка, Ингин домик ... 294
«Попугай» ... 304
Выставка в музее личных коллекций ... 310
Вышивки волосами ... 319
«Тритон» Лонго ... 326
Кошелек с «павлином» и «орлом» ... 330
Кружка А.И. Куприна ... 338
«Чухонка» ... 344
Бисерная ярмарка в Лондоне ... 349
Бисерная лекция в Англии ... 360
Бисерный бокал и «чехол для зонтика» ... 375
«Ковер воспоминаний» ... 379
Монастырское бисерное рукоделие ... 385
Бисерный кисет ... 390
Вопрос миссис Томалин ... 397
Отчет Гиредмета по теме «Бижутерия» ... 404
«Дары любви» ... 414
Пуговицы ... 421
Кораллы ... 430
Украшения из бисера ... 438
Янтари ... 442
Иностранные пришельцы ... 451
Виртуальная коллекция ... 467
Письменный набор гимназистки ... 475
Семейный портрет ... 479
Библиография ... 485

Мемуары
Проект «Семейные архивы»

Юрова Елена Сергеевна

О бисере, бусах и прошлом времени

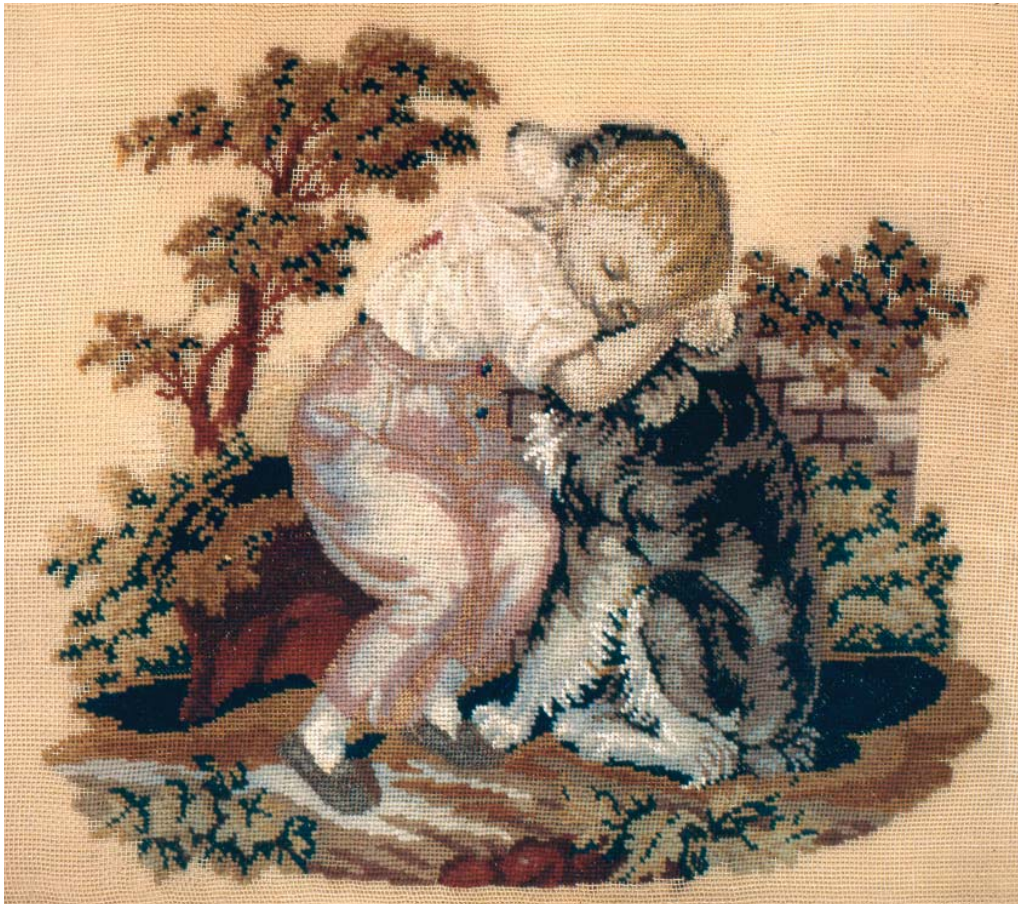
Воспоминания
московского коллекционера

Ведущий редактор: *И.В. Кулюкина*
Дизайн, верстка, обработка фотографий
и цветокоррекция: *А.П. Зарубин*
Корректоры: *О.В. Круподер*, *В.А. Нэй*

Подписано в печать 25.02.2019
Формат 70 x 90/16
Печ. л. 30,5. Тираж 500 экз.

ООО «Издательство «Этерна»
115477, г. Москва, Кантемировская ул., д. 59а
Тел/факс (495) 755-81-23

E-mail: info@eterna-izdat.ru
www.eterna-izdat.ru



Илл. 1

Спящий мальчик с собакой

Вышивка шерстью и шелком мелким полукрестом по канве.
16,5 х 20,3 см. 1820–1830-е годы.
Вышивка служила вставкой в бювар.
Находилась в усадьбе г. Макарьева на Унже

Илл. 2
Голубь
Вышивка мелким круглым и граненым
бисером по холсту.
14 х 18 см. 1-я половина 19 века

Илл. 3

Поднос с бисерной вставкой

Вышивка мелким круглым бисером по холсту.
Бронза, литье, чеканка.
22,5 х 30 см. Начало 19 века.
Рисунок издан в Германии.
Serena R. Embroideries and Patterns,
Antique Collectors' Club, *1998. P. 82.*

Илл. 6

Столешница и ножка стола с бисерной вышивкой

Илл. 7
Пасхальное яичко
Вязание крючком
из мелкого круглого
и граненого бисера.
Разъемная деревянная форма.
Размеры: длина 7 см, диаметр 4 см.
1840–1850-е годы.
Подарок А.Л. Кусакина

Илл. 8
Подсвечники
Вязание крючком из мелкого бисера.
Первая треть 19 века.
До и после реставрации. Музей-усадьба Тарханы

Илл. 11

Пастушка

Вышивка мелким круглым и граненым бисером по холсту.
21 х 28,5 см. 1820–1830-е годы.
Оформлена не позднее начала 20 века.
Костюм пастушки соответствует модам 1820-х годов.
Московский музей-усадьба Останкино

Илл. 12

Тройка зимой

Вышивка мелким бисером по холсту.
8 х 14 см. Первая треть 19 века.
Московский музей-усадьба Останкино

Илл. 13
Рисунок для вышивки

Илл. 14
Вышивка мелким бисером по холсту
8,5 х 14,3 см. 1820–1830-е годы.
Из собрания В.Г. Кассиной

Илл. 15
Сумочки
Конец 19 –
начало 20 века
Вязание на спицах
мелким круглым
и черным граненым
бисером. 18 х 15,5 см.

Вязание крючком
из стального
полированного бисера
и х/б ниток.
Замок и цепочка –
полированная сталь.
Овал 14,5 х 12,5 см.
Подарки В.Ф. Платэ

Илл. 16
Наталия Абрамовна
Шестакова.
1960-е годы
Чехол
на подушечку
для иголок
Вязание на спицах
из среднего бисера.
20,5 х 6,5 см.
Конец 19 века.

Илл. 17

Орел

Вышивка мелким круглым бисером по холсту.
20 х 17 см. Первая четверть 19 века.
Имеются аналогичные сюжеты в частных коллекциях.
Московский музей-усадьба Останкино

Илл.6
Палатка
Вышивка мелким бисером по холсту.
1830-е годы. Частное собрание. Москва.
До и после реконструкции

Илл. 12

Девушка с корзиной

Рисунок для вышивания. Бумага, раскрашенный офорт.
22,0 х 20,1 см. Берлин. 1810–1820-е годы.
(*Ковенева Г.Н.* Рисунки для цветной вышивки.
М., 2018)

Илл. 13

Чухонка

Вышивка мелким круглым бисером по холсту.
Размеры 20 х 19,5 см. Надпись на обороте: «Труды Александры Николаевны Волковой». Россия. 1820–1830-е годы.
Подарок Г.М. Казанкова

Илл. 14
«Чухонка»
после реставрации

Илл. 15
Заготовки для бумажника
Вышивка мелким круглым и граненым
металлическим бисером по редкой ткани.

Илл. 16
Кружка А.И. Куприна
Вязание крючком из круглого и граненого бисера.
Стекло, алмазная грань, золочение.
Высота 11 см, диаметр 9 см. 1830-е годы.
Подарок В.Г. Кассиной

Илл. 7
Бусы белые
Стекло.
Замок
металлический
винтовой.
Длина 86 см.
Чехословакия (?).
1960-е годы.
Подарок
А.В. Берковой.
Бусы
Искусственный
жемчуг
и капилляры.
Россия.
1960-е годы.
Подарок
Д.В. Демьянчик.
Бусы
самодельные
Пластик, бисер.
Длина
90 и 86 см.
Россия.
1960-е годы.
Подарок
В.А. Хохловой

Илл. 8

Бусы «пазл»

Чехословакия. 1950–1960-е годы (от центра к краю).

Сине-бело-голубые. Стекло. Замок винтовой металлический цилиндр. Длина 38 см.

Черно-белые. Стекло, бисер. Замок-карабин круглый. Длина 45 см.

Темно-синие с белым. Стекло, бусины типа воротника клоуна. 2 нитки.

Замок крючком с удлинителем. Длина с удлинителем 40 см.

Пестрые «рыбий хребет». Стекло. Замок-карабин круглый. Длина 39,5 см

Илл. 10
Самодельные бусы
1950–1960-х годов (от края к центру).
Бусы из бересты. 84 см;
Бусы из ольховых шишек. 66 см;
Бусы из бумаги. 78 см. Автор В. Фомин;
Бусы из яблочных семечек. 120 см;
Бусы из раковин
и яблочных косточек. 39 см

Илл. 11
Бусы «Брызги шампанского»
и «Голубой огонек»
Стекло. 1960-е годы.
Из собрания Е.А. Мякиньковой

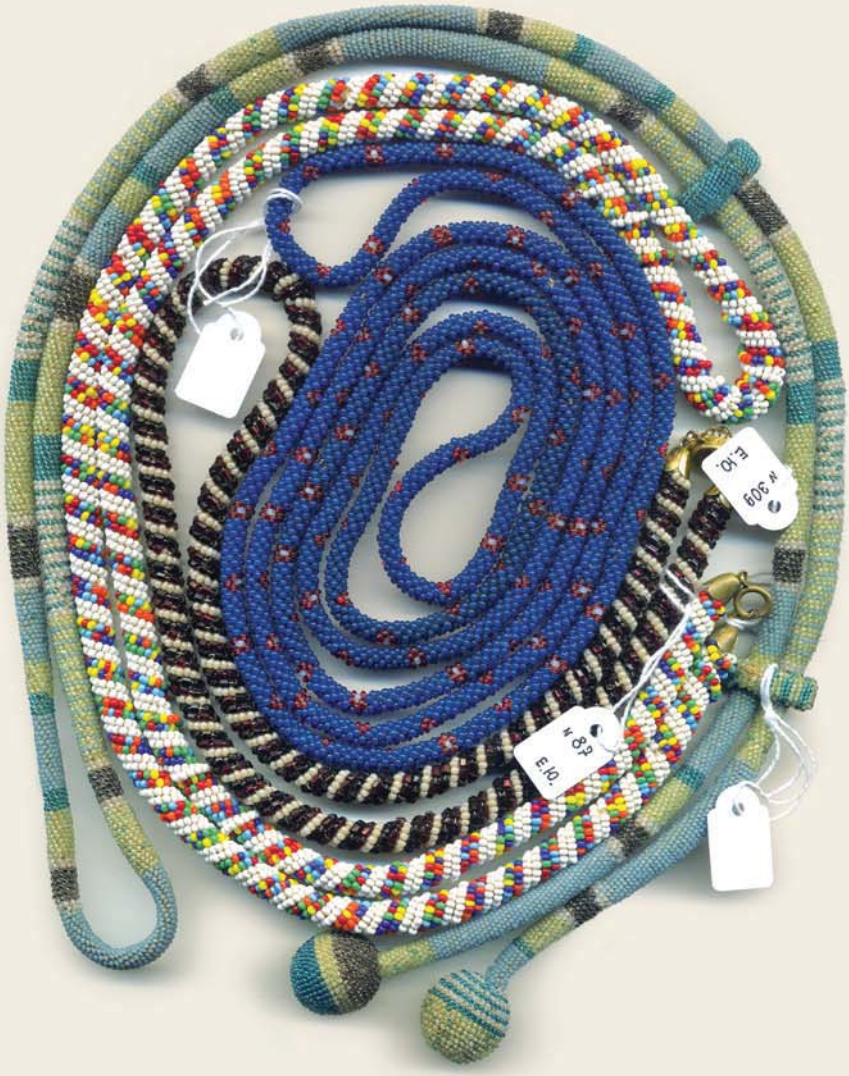
Илл. 12
Браслет
Вышивка мелким
круглым бисером по холсту.
Подкладка – шелк,
замок – литье,
золоченая бронза.
Длина 15,2 см, ширина 2,2 см.
1830-е годы

Илл. 13
Украшения из бисера
Западная Европа,
1830–1840-е годы.

Колье
Низание из мелкого
бисера. Замок винтовой.
Длина 41 см, ширина 2,5 см.

Фрагмент колье
Низание из мелкого
бисера. Замок
раздвижной. Длина
по короткой нитке
42 см, ширина 4 см.
Из собрания А. Васильева;

Браслет
Низание из мелкого
бисера. Застежка крючком.
Длина 15,5 см, ширина 2,5 см.
Из собрания А. Васильева



Илл. 16

Шнуры (от центра к краю).

Бисер темно-синий. Низание (?). Длина 172 см. 1920-е годы.

Бисер красный, черный, искусственный жемчуг.

Замок раздвижной ажурный с колпачками. Длина 57 см. Чехословакия. 1960-е годы.

Бисер белый и пестрый. Замок-карабин круглый с колпачками.

Длина 99 см. Чехословакия, 1959. Подарок Л.В. Вавиловой.

Бисер мелкий, круглый, вязание крючком. Длина 122 см, шарики диаметром 2 см, перехваты. Авторская работа. 1920-е годы (?). Подарок В.А. Хохловой

Илл. 18
Брошь «Ящерица»
4 х 5,2 см. Калининград, 1953–1954 годы;
Бусы «для визита к японской императрице».
38 и 75 см. Литва, 1970-е годы